

Бродяга. Ги де Мопассан

Вот уже сорок дней он шагал по дорогам в поисках работы. Он потому и ушел из своего родного городка, Виль-Аваре в департаменте Манш, что нигде не мог устроиться. Сильный мужчина двадцати семи лет от роду, плотник-подмастерье, благонамеренный гражданин, живущий трудом своих рук, два месяца сидел на шее у родных, это он-то, старший сын в семье! Но кругом была такая безработица, что волей-неволей приходилось бить баклуши. Дома уже и хлеба не хватало — две его сестры ходили на поденку, но платили им сущие гроши, а он, Жак Рандель, здоровущий детина, ничего не делал, потому что ему нечего было делать, и объедал близких.

Он обратился в мэрию, и письмоводитель сказал ему, что в центральных департаментах страны работы много.

Рандель запасся удостоверениями и рекомендациями и пустился в путь: в кармане семь франков, на плече палка, на ней в синем платке запасная пара башмаков, штаны и рубаха.

Дни и ночи он шагал по нескончаемым дорогам, без отдыха, в дождь и вёдро и все не мог отыскать таинственного края, где для рабочего человека нашлась бы работа.

Сперва Рандель твердо стоял на том, что раз уж он плотник, то ему только плотничать и пристало. Но на какой бы строительный двор он ни заходил, везде ему отвечали, что из-за отсутствия подрядов и своих-то плотников пришлось рассчитать, поэтому, когда подошли к концу его деньги, Рандель решил не привередничать и браться за все, что подвернется.

Он попеременно работал то землекопом, то подручным конюха, то каменотесом, валил деревья, обрубал сучья, копал колодцы, месил глину, собирал хворост в вязанки, пас стадо коз на горе, делал что приходилось за какие-нибудь несколько су, потому что хоть изредка найти работу на два-три дня удавалось лишь если он соглашался на самую мизерную оплату, вводя этим в искушение сквалыг-хозяев и крестьян.

Но уже неделю, как вообще никакой работы не было, и он так обезденежел, что ел, да и то не вдоволь, один только хлеб, который выклянчивал в придорожных домах у сердобольных женщин.

Смеркалось, а Жак Рандель все еще шел, измученный, голодный, отчаявшийся, еле передвигая по травянистой обочине натруженные босые ноги: его старые башмаки давно развалились, и он берег единственную оставшуюся пару. Была поздняя осень, суббота. Ветер свистел в деревьях, гнал по небу серые клубы облаков, тяжелых и быстрых. Пахло близким дождем. В этот предпраздничный вечер все кругом словно вымерло. Кое-где на полях, как желтые чудовищно разросшиеся шампиньоны, высились скирды соломы, но сами поля казались безжизненно-голыми, хотя были уже засеяны для будущего урожая.

Ранделя терзал голод, тот яростный животный голод, который заставляет волков кидаться на людей. Обессиленный, он старался удлинять шаги, чтобы их выходило поменьше, голова у него свесилась на грудь, в висках стучало, глаза налились кровью, во рту пересохло, рука крепко сжимала палку, и ему все время безотчетно хотелось стукнуть со всего размаху этой палкой первого встречного, который спешит домой к своей похлебке.

Он вглядывался в кромку дороги, и ему виделась за ней выкопанные и оброненные на рыхлую землю картофелины. Если бы повезло, если бы удалось найти хоть несколько штук, можно было бы собрать валежнику, развести небольшой костер в овраге, и, ей-богу, получился бы отличный ужин из этих круглых горячих картошек, прямо с пылу с жару, которыми вдобавок он сперва бы согрел окоченевшие руки.

Но картошка уже отошла, и, как накануне, ему пришлось удовольствоваться сырой свеклой, вытащенной прямо с грядки.

Вот уже два дня его так одолевали мысли, что он на ходу разговаривал сам с собой вслух. До сих пор Рандель жил не думая, все свои немудреные помыслы и способности отдавая ремеслу. Но усталость, ожесточенные поиски отсутствующей работы, отказы, брань ночевки под открытым небом, голод, презрение к бродяге имеющих кров, их вечный вопрос: «Чего тебе дома не сиделось?», горечь из-за невозможности найти дело для привыкших к труду сильных рук, сознание, что там, дома, его родные сидят тоже без гроша, постепенно наполняли его тяжелым гневом, который со дня на день, с часу на час, с минуты на минуту все рос и рос, произвольно выливаясь в отрывистых фразах, похожих на рычание зверя.

Спотыкаясь о камни, которые выкатывались из-под его босых ног, он бормотал:

— Беда... беда... свиньи проклятые... человек с голоду подыхает... а им хоть бы что... плотник, не кто-нибудь... свиньи проклятые... ни единого су... ни единого... ну вот, дождь пошел... свиньи проклятые!..

Он ярился на несправедливость судьбы и винил людей, всех до единого, в том, что природа, эта прародительница сущего, так несправедлива, свирепа и вероломна.

— Свиньи, свиньи проклятые! — повторял он сквозь стиснутые зубы, глядя, как поднимаются над крышами в этот час вечерней трапезы серые струйки дыма. И, не отдавая себе отчета в другой несправедливости, на этот раз человеческой, что зовется насилием и воровством, еле сдерживал желание вломиться в один из этих домов, прикончить его обитателей и, усевшись за стол, съесть их еду.

— Выходит, я и жить не вправе... — говорил он. — Подыхаю с голоду, а никто и пальцем не пошевелит... И прошу-то всего-навсего — дайте мне работу... Свиньи проклятые!

Мука, истерзав ему тело, желудок, сердце, туманила голову, как буйный хмель, рождая донельзя простую мысль: «Ежели я дышу, а воздух принадлежит всем, значит, я вправе жить. Как же они смеют оставлять меня без куска хлеба!»

А дождь все лип и лип, частый, мелкий, ледяной. Рандель остановился и пробормотал:

— Беда... Еще месяц идти, пока доберусь до дому... Да, он возвращался домой, потому что понял: найти какую-нибудь работу в родном городе, где его все знают, будет легче, чем на больших дорогах, где он всем внушает опасение.

Не устроится плотником, что ж, наймется чернорабочим, станет размешивать известь, копать землю, дробить камни. Пусть за день он заработает не больше двадцати су, все равно на еду хватит.

Дождевые капли, скатываясь за воротник, холодили ему спину и грудь. Пытаясь защититься от них, он обвязал шею обрывком своего последнего платка, но прохуdivшаяся одежда скоро насквозь промокла, и плотник кинул вокруг взгляд, полный такой сиротливой тоски, какую знают только те, кому негде приклонить голову, кому нет приюта и убежища на целой земле.

Наступила ночь, окутав тьмою поля. Все же он заметил вдали на пастбище смутное пятно — лежавшую на земле корову. Не раздумывая, почему и зачем, Рандель перепрыгнул придорожную канаву и направился к корове.

Когда он подошел к ней, она приподняла большую свою голову, и у него мелькнула мысль: «Будь у меня хоть котелок, я напился бы молока».

Он смотрел на корову, корова смотрела на него, и вдруг Рандель с силой пнул ее ногой в бок.

— А ну, вставай! — сказал он.

Животное медленно встало на ноги, тяжелое вымя свисало чуть ли не до земли, и тогда человек лег на спину между коровьих ног и долго, долго пил, надавливая обеими руками на теплое набухшее, отдающее хлевом вымя. Он пил, пока в этом живом источнике не иссякло молоко.

Но ледяной дождь усилился, и некуда было спрятаться в голых полях. Дрожа от холода, Рандель смотрел на огонек, сверкавший между деревьев в окне какого-то жилья.

Корова опять тяжело улеглась на землю. Он сел рядом и стал поглаживать ей морду, благодарный за то, что она его накормила. Животное громко сопело, из ноздрей вырывались струи воздуха, белые как пар в ночной темноте, и обдавали теплом лицо плотника.

— В твоём нутре не замерзнешь, — пробормотал он.

Теперь он грел руки, прижимая их то к коровьим ляжкам, то к груди. И тут ему пришло на ум, что можно прижаться к ее большому теплому брюху и провести так всю ночь. Пристроился он не сразу, все искал места поудобнее, потом, наконец, уткнулся головой в мясистое вымя, только что его напоившее, и, еле живой от усталости, мгновенно уснул.

Все же несколько раз Рандель просыпался: если он лежал животом к корове, у него мерзла спина, если спиной — мерз живот. Тогда он прижимался к ней стороной, заочневшей от ночной сырости, и опять засыпал свинцовым сном.

Он вскочил на ноги, едва запел петух. Занималась заря, дождь прекратился, небо было безоблачно.

Корова дремала и не подняла головы. Он наклонился и, упершись руками в землю, поцеловал животное в широкую влажную ноздрю, приговаривая:

— Прощай, моя красавица... может, еще свидимся... ты хорошая животина... Прощай!

Затем обулся и ушел.

Два часа Рандель шагал по той же дороге, никуда не сворачивая, потом, не держась на ногах от усталости, сел на траву отдохнуть.

Уже рассвело, затрезвонили колокола, на дороге появились люди: мужчины в синих блузах и женщины в белых чепцах пешим ходом или в двуколках торопились в соседние деревни к родственникам и знакомым отпраздновать воскресный день.

Толстяк крестьянин гнал голов двадцать испуганно блеющих баранов; проворный пес все время сгонял их в стадо.

Рандель встал и поклонился.

— Не найдется ли у вас какого-нибудь дела для рабочего человека, который помирает с голоду? — спросил он.

— У меня нет работы для людей, которые шляются по большим дорогам, — ответил тот, окинув бродягу злобным взглядом.

Плотник снова сел на обочину.

Он долго ждал, всматриваясь в прохожих, отыскивая добродушную физиономию, намек на сочувствие во взгляде — только к такому человеку и стоило обратиться с просьбой о работе.

Он выбрал мужчину полугосподского вида, в рединготе, с золотой цепочкой по животу.

— Я уже два месяца ищу работы, — сказал он. — И всюду мне отказывают. У меня не осталось ни единого су в кармане.

— Вам следовало бы прочесть объявление на пограничном столбе нашей коммуны, — ответил полугосподин. — У нас запрещено попрошайничать на дорогах. Имейте в виду: я здешний мэ́р, и, если вы не уберетесь отсюда, я засажу вас за решетку.

— Ну и сажайте, — накаляясь, буркнул Рандель. — Я не против, в тюрьме хоть с голоду не помру.

И снова уселся на обочину.

Действительно, через четверть часа на дороге появились два стражника. Они шли медленным шагом, плечо к плечу, — две четкие фигуры, так сверкавшие на солнце начищенными головными уборами, желтыми портупелями и металлическими пуговицами, точно уже издали хотели навести страх на злоумышленников и обратить их в бегство.

Плотник сразу понял, что они идут за ним, но с места не сдвинулся; в нем klokотало смутное желание бросить им вызов: пусть засадят сейчас, а придет время, он еще отомстит.

Они подходили, делая вид, будто не замечают его, по-военному печатая шаг, тяжелый и вместе развалистый, как у гусей. Поравнявшись с Ранделем, оба вдруг остановились, словно только теперь обнаружили этого человека, и уставились на него гневно и угрожающе.

Потом унтер-офицер шагнул к Ранделю.

— Что вы тут делаете? — спросил он.

— Сижу, — спокойно ответил тот.

— Откуда вы явились?

— Если пересчитать все места, где я был, часу не хватит.

— Куда вы направляетесь?

— В Виль-Аваре.

— Где это?

— В департаменте Манш.

— Это ваша родина?

— Да.

— Почему вы ушли оттуда?

— Искать работу.

— У этих мошенников всегда одна песня. Но меня не проведешь, — обернувшись ко второму стражнику, сказал унтер тоном человека, у которого нет терпения в сотый раз выслушивать такую дурацкую выдумку. — Бумаги при вас? — продолжил он допрос.

— При мне.

— Предъявите.

Рандель вытащил из кармана удостоверения и рекомендации — ветхие, захватанные, засаленные бумажки — и протянул их унтеру.

Тот медленно, запинаясь, прочитал и, убедившись, что они в порядке, возвратил владельцу, но вид у него был крайне недовольный: он явно считал, что этот пройдоха его надул.

— А деньги у вас есть? — немного подумав, спросил он.

— Нет.

— Совсем нет?

— Совсем.

— Ни единого су?

— Ни единого.

— На какие же средства вы живете?

— На то, что мне дают.

— Значит, выпрашиваете подаяние?

— Да, если удастся, — твердо ответил Рандель.

И тут стражник произнес:

— Я уличаю вас в том, что вы, не имея средств к существованию, не занимаясь полезным трудом, бродяжничаете по большим дорогам и побираетесь, на каком основании я беру вас под арест и приказываю следовать за мной.

Плотник поднялся с обочины.

— Идти так идти, — проговорил он и, не дожидаясь приказа, встал между стражниками. — Сажайте в кутузку. Крыша над головой будет, от дождя спасусь, — добавил он.

И они направились в село; до него было не больше четверти мили, сквозь оголенные ветки виднелись черепичные крыши.

Уже отзвонили к обедне, на площади толпился народ. По сторонам улицы тотчас встали живой изгородью жаждавшие взглянуть на злоумышленника, а следом за ним бежали взбудораженные ребятишки. Крестьяне и крестьянки пялились на арестанта, шагавшего меж двух стражников, и глаза у них горели ненавистью, горели желанием забросать его камнями, содрать с него шкуру ногтями, затоптать в землю. Они спрашивали друг у друга, кого он обокрал, кого убил. Мясник, служивший когда-то в отрядах спаги, утверждал, что молодой человек иначе как дезертир, содержатель табачной лавочки узнал в нем человека, который нынче утром всучил ему фальшивую монету в пятьдесят сантимов, торговец скобяным товаром готов был поклясться, что полиция после шестимесячных бесплодных поисков сцапала наконец убийцу вдовы Мале.

Стражники ввели Ранделя в зал заседаний муниципалитета; там за большим столом уже сидел знакомый ему мэр, рядом с мэром — судебный следователь.

— Ага, все-таки попался, любезный! — вскричал мэр. — Я же говорил, что засажу тебя за решетку. Докладывайте, что произошло, — обратился он к унтер-офицеру.

— Господин мэр! У этого человека нет ни крова, ни пристанища, нет, как он утверждает, ни единого су на прожитие. Он задержан мной за бродяжничество и нищенство. Имеет при себе хорошие рекомендации, его бумаги в полном порядке, — отрапортовал унтер.

— Ну-ка, дайте мне взглянуть на эти бумаги, — сказал мэр. Он взял их, дважды прочитал, потом вернул Ранделю и отдал приказ: — Обыщите его.

Плотника обыскали и ничего не нашли. Мэр, придя, видимо, в некоторое замешательство, спросил:

— Что же вы делали сегодня утром на дороге?

— Искал работы.

— Искали работы?.. На большой дороге?

— А где же мне ее, по-вашему, искать? В кустах, что ли?

Они смотрели друг на друга пристальным и яростным взглядом, как звери враждующих видов.

— Так и быть, я отпущу вас, но больше не попадайтесь мне на глаза! — пригрозил мэр.

— Лучше бы вы меня посадили, — сказал плотник. — Хватит с меня таскаться по дорогам.

Мэр нахмурился.

— Замолчите! — потом распорядился, обращаясь к стражникам: — Отведите этого человека на двести метров от села и пусть идет на все четыре стороны.

— Скажите им, чтобы хоть накормили меня сначала, — попросил Рандель.

— Накормить вас! Еще чего не хватало! — возмутился мэр. — Ха-ха-ха! Вот уж, действительно, придумал!

— Я подыхаю с голоду, и вы толкаете меня на дурное дело, коли гоните, не накормив, — жестко сказал тот. — Тем хуже для вас, для богатеев.

— Уведите его, уведите, не то я рассержусь всерьез! — вскочив, повторял мэр.

Стражники схватили плотника под руки и поволокли вон из мэрии. Он не сопротивлялся, спокойно шел с ними сперва по той же улице, потом двести метров от километрового столба по дороге, и тут унтер скомандовал:

— А теперь убирайтесь, и чтобы духу вашего здесь не было, не то я вам покажу, где раки зимуют.

Рандель ничего не ответил и снова зашагал, сам не зная куда. Так он шел минут пятнадцать — двадцать, отупевший до полного бесчувствия.

Но вдруг из приоткрытого окна домишка у обочины ему ударило в нос запахом мясной похлебки, и он остановился как вкопанный.

Приступ голода, свирепого, раздирающего внутренности, сводящего с ума голода схватил его с такой силой, что он чуть не бросился, как неразумное животное, на стену жилья.

— На этот раз вам придется меня накормить, будь вы все прокляты! — громко прорычал он и начал колотить палкой по двери. Никто не отозвался; тогда он забарабанил еще громче, вопя во всю глотку:

— Эй, эй, вы, люди, откройте!

Ни звука в ответ. Он подошел к окну, толкнул раму, и навстречу холодному уличному воздуху вырвался теплый, спертый кухонный воздух, пропахший горячим бульоном, вареным мясом, капустой.

Плотник перемахнул через подоконник в кухню. Стол был накрыт на два прибора. Хозяева, надо полагать, отправились к обедне и оставили на плите праздничный обед — отличную говядину в наваристом овощном супе.

На полке меж двух бутылок, по виду нетронутых, лежал свежий хлеб.

Первым делом Рандель накинулся на хлеб; отламывая куски с таким ожесточением, точно душил врага, он жадно запихивал в рот, глотал, не прожевав. Но запах мяса потянул его к плите, он снял крышку с кастрюли, сунул внутрь вилку и вытащил большой кусок говядины, обвязанный веревочкой. На ту же тарелку он с верхом наложил капусты, моркови, луку, поставил ее на стол, уселся, разрезал мясо на четыре части и пообедал как у себя дома. Почти доев говядину и наполовину справившись с овощами, он захотел пить и пошел за бутылкой.

Налив себе в стакан, он, еще не попробовав, понял, что это водка. Ну что ж, она согреет ему утробу, разожжет кровь, плохо ли после того, как человек намерзся? Он выпил.

И впрямь, ощущение с отвычки было такое приятное, что он тут же снова налил полный стакан и в два глотка осушил. И сразу Ранделю стало до того весело и радостно, точно вместе с хмельным ему в нутро попала изрядная доля счастья.

И опять он взялся за еду, но уже без спешки, размачивал хлеб в бульоне, потом старательно пережевывал. Теперь все тело у него пылало, особенно горел лоб, а в голове стучали молотки.

Но тут где-то вдали раздался колокольный звон — это кончилась служба. И даже не страх, а инстинкт, тот самый инстинкт самосохранения, который в минуту опасности становится лучшим советчиком и поводырем в всех живых существ, заставил плотника вскочить на ноги. Он сунул недоеденный хлеб в один карман, бутылку водки — в другой, крадучись подошел к окну и оглядел дорогу.

Дорога была еще безлюдна. Он выбрался на нее, но на этот раз свернул с большака на тропку, которая по полю вела к лесу, только что им замеченному.

Рандель был доволен собой и весел, чувствовал такой прилив сил, бодрости, легкости, что перепрыгивал, сомкнув ноги, через полевые ограды.

Добравшись до тени, он вытащил бутылку из кармана и на ходу начал снова тянуть водку, почти не переводя дыхания. И тут мысли его смешались, глаза помутнели, ноги стали как резиновые.

Он запел старинную народную песню:

Ох, как же это весело,

Как же это весело

По ягоды ходить!

Теперь, ступая по толстой мшистой подстилке, влажной и свежей, чувствуя под ногами этот мягкий ковер, он, как ребенок, испытывал неодолимую потребность дурачиться, кувыркаться.

Разбежавшись, он и впрямь перекувырнулся, раз, другой. Вставая на ноги, сызнова затягивал:

Ох, как же это весело,

Как же это весело

По ягоды ходить!

Вне запно он вышел к ложбине и внизу, на дороге, проложенной по ее дну, увидел молодую рослую женщину, должно быть, батрачку: она возвращалась в деревню, неся на большом бочечном обруче, висящем на плечах, два ведра молока, которые придерживала руками.

Пригнувшись, он следил за каждым ее движением, глаза у него горели, как у пса при виде перепелки.

Заметив его, она подняла голову и смеясь крикнула:

— Это вы так распелись?

Не отвечая, он прыгнул на дорогу с откоса футов в шесть высотой, не меньше.

— Господи, как вы меня напугали! — вскричала она, неожиданно увидев его перед собой.

Но он ничего не слышал, он был пьян, слепо одержим потребностью еще более лютой, чем голод, распален хмелем и непреборимой

яростью, потому что два месяца был лишен всего, а теперь напился — молодой мужчина с горячей кровью, со всеми вожделениями, которыми природа наделяет плоть здорового самца.

Глянув на его протянутые руки, на выражение лица, глаз, полуоткрытого рта, девушка в страхе попятилась.

Он схватил ее за плечи и молча повалил на землю.

Ведро, гремя, поливая молоком дорогу, упало и покатились в разные стороны, она закричала, потом поняла, что в этом безлюдье все равно никто не придет на помощь, к тому же молодчик покамест не покушается на ее жизнь, и благоразумно решила сдаться, даже не очень возмущенная — парень он был дюжий, хотя слишком уж груб.

Но стоило ей встать на ноги, как мысль о пролитом молоке привела ее в такое неистовство, что, сорвав сабо с ноги, она теперь, в свою очередь, набросилась на него, готовая проломить ему башку, если он не возместит убытка.

А он, не поняв причины этого внезапного нападения, немного протрезвев, в растерянности и ужасе от содеянного, бросился бежать со всех ног, и вслед ему летели камни, иногда с силой ударяя в спину.

Плотник бежал долго, очень долго, пока его не одолела безмерная усталость. Ноги подкосились, мысли спутались, в голове не осталось ни воспоминаний, ни способности соображать.

Он свалился на землю под каким-то деревом.

Через пять минут он уже спал мертвым сном.

Рандель проснулся от сильного толчка и, открыв глаза, увидел над собой две блестящие кожаные треуголки: утренние стражники вязали ему руки.

— Я наперед знал, что тебе от меня не уйти, — с ухмылкой сказал унтер.

Рандель беспрекословно встал. Стражники толкали его и, сделай он малейшую попытку освободиться, избили бы, потому что он стал их законной добычей, тюремной птицей, пойманной этими охотниками на злоумышленников, и уж теперь-то ему не вырваться.

— Пошли! — скомандовал стражник.

Они зашагали по дороге. Вечер уже накинул на землю покров осенних сумерек, тяжелый и зловещий. Через полчаса они вошли в село.

К этому времени молва о происшедшем облетела жителей, и все двери были настежь. Крестьяне и крестьянки, такие взбешенные, точно каждого обокрали, точно каждую изнасиловали, поджидали этого мерзавца, чтобы окатить его отборной бранью.

Она лилась на Ранделя, начиная от первого дома и кончая мэрией, где его поджидал мэр, торжествуя победу над этим бродягой.

— Ага, молодчик, все-таки попался! — крикнул он, завидев плотника. И начал потирать руки, донельзя довольный. — Я это знал, с самого начала знал, как только увидел его на дороге. — И закончил, ликуя: — Негодяй, гнусный негодяй, теперь тебе, любезный, двадцать лет обеспечено!

Примечания

Напечатано в журнале “Новое обозрение” 1 января 1887 года.